

Людмила Турченко

Люся, стоп!

Москва
2016

УДК 791.44.071.2(470)

ББК 85.374(2)6-8

Г95

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Фотография на обложке и корешке:

© Рифат Юнисов / Fotodom.ru

Гурченко, Людмила Марковна.

Г95 Люся, стоп! / Людмила Гурченко. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Легенды кино и театра).

ISBN 978-5-699-85158-4

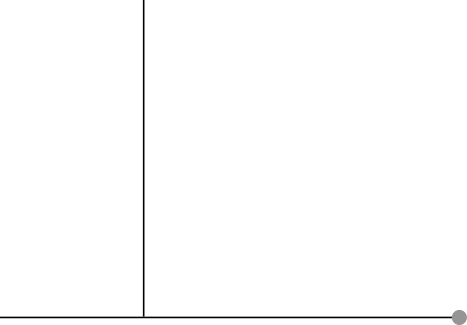
Биографию и характер актера можно проследить по его ролям. Как бы тонко он ни перевоплощался и ни прятался за текст. «Везде, во всех ролях, есть частица меня», — пишет Людмила Гурченко.

В этой книге вы прочтете о том, как проходили съемки актрисы в различных фильмах, о режиссерах и актерах, с которыми ей довелось работать, о судьбоносных встречах с уникальными творческими людьми и музыкальной карьере.

УДК 791.44.071.2(470)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-699-85158-4

© Л. Гурченко, наследники, 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

*Н*овая жизнь. Новые ценности. Новые цены. Новые слова.

Популизм, плюрализм, менеджмент, электорат, консенсус, имидж, менталитет, инаугурация, стагнация, презентация...

Тут как-то несколько лет тому и у меня состоялась презентация компакт-дисков. Я отвечала на разные вопросы вперемжку с исполнением песен. Было много приятных слов.

А это очень-очень приятно, когда коллеги говорят приятное. Это бывает редко. И еще потому — ах, как приятно! Стою вся в «приятном» и чувствую, что вот-вот начну «млеть». А тут уже и завершающая часть презентации подспела. Когда и выпили, и закусили. Когда не сиделось за своими столами. Когда все смешались и сгруппировались по интересам.

И вот, когда кончились приятные светские речи, подходит ко мне здорово поднабравшийся музыкальный редактор одного из центральных каналов ТВ с рюмкой в руке и, покачивая головой, говорит: «Я давно ввам ххотел сазать... Ввас ведзь ниикто не любт... (Долгая пауза. У меня быстро сформировался желтый шарик желчи: Люся, стоп!) Кромь на-ро-да».

Спокойно. «Пролетело, не заметили». А теперь быстро улыбнись и пожми ему руку, как самому искреннему другу.

Так я и сделала. Молодец, Люся!

Дорогой мой народ! Дорогие зрители. Зрители-читатели. Я живу и работаю для вас. Когда я в кадре, я предощаю, как вы улыбнетесь или заплачете, глядя на экран. Когда я выхожу на сцену и слышу ваши аплодисменты — это для меня как взлет в небо, как взмах крыльев, как наркотик, как водка, как адреналин!

Много небылиц, сплетен... Лучше я сама напишу. И все, что здесь прочтете, — это для вас. Только для вас.

Сделайте ему минуту счастья!

Что когда же мы с вами расстались? Когда начались съемки «Любовь и голуби»? Где-то сразу после «Рецепта ее молодости». Ну да, летом тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Давненько. Ого, как давненько.

«О, сколько нам событий трудных...» с тех пор пришлось пережить и в душе, и в работе, и в жизни страны, и в жизни личной. Это же еще до великой перестройки? Сейчас 2001 год. И иногда как включишь ТВ — а «Любовь и голуби» тут как тут: «Фух ты, ёшкин кот!» — родной голос Васи (Саши Михайлова). Или: «Людк! А Людк! Смотри, это же она!» — особая интонация актрисы Нины Дорошиной. А наутро вывожу собаку, а за спиной: «Людк, а Людк!» — и смешок. Добрый смешок. Тот, что надо. Да я и сама всегда смеюсь. И не надоедает.

Редкая картина. Народная комедия.

Режиссер Владимир Меньшов, пока не доведет партию фильма до абсолютной чистоты, где не фальшивит ни один инструмент, мучает нас, себя.

Порой в первый же съемочный день очень трудно встроиться в середину картины, в самый разгар отношений. Это не театр. И надо быть готовым в первом же ка-

дре играть смерть-финал, еще не сыграв ни одного кадра начала или середины роли. Просто уходит натура. Или у дирекции фильма график съемок так составлен. Разные причины. Редко когда в картине все сцены снимались по порядку.

И вот первый кадр (это середина моей роли) — мы с Васей выходим из бара вдребезги пьяные и поем на весь пляж «Надежду». Раз дубль — не то. Два — еще больше не то. И все не то, не то, не то. Притихли мы с Михайловым. С ним еще едва знакомы. Живьем видим друг друга впервые.

Вокруг стоят любопытные отдыхающие. Они разочарованы — что тут такого трудного? Прикинуться пьяным, пошататься и спеть... Меньшов как ненормальный бегаёт по гальке, не чувствуя, что брюки по колено мокрые. А потом упал на гальку: «Это я, это я виноват! Ничего не могу придумать! Я, я, я ви-но-ват!»

Тут нужен абзац. Я снималась до этого много. Но чтобы режиссер вот так, открыто, кричал о своей беспомощности... Нет, не помню. Вот что-то из: «Ну-ка, артисты, еще раз», «Ну, еще как-нибудь», «Ну, вы же артисты!», «Артисты, и не можете сыграть элементарного!», «Милые, а за что ж вам деньги платят?», «Слушайте, чему же вас там учили?» — вот это артистам хорошо знакомо. Есть и другие режиссеры. Но к ним надо попасть. А такое нечасто.

Меньшов полежал-полежал на гальке, посмотрел-посмотрел в небо и как вскочит, как затанцует, как захочет: «Нашел! Нашел! Понял! Есть! Сюда!» Рабочие быстренько взбили кучу гальки. И я, пьяненькая, по этой гальке, из положения «стоя» сразу в положение «лежа» — шлеп! И вместе с текстом съезжаю прямо в крупный план:

«Какие звезды на небе...» Неожиданно и смешно. А главное, «лежа» — оно ведь ближе к «любви».

Рано утром сижу на гриме. Входит Меньшов с магнитофоном. Всю гостиничную гримерную — маленький номер гримерши — заливает жгучее танго. С самого утра запахло морем, знойным солнцем, хмельным баром и грешной любовью. На голове у меня рождается модная прическа первой леди райцентра.

— Та-ак, — говорит Меньшов, — он ее раздел! Положил на стол! И голыми руками... там ей что-то раздвинул... «Не больно?» — «Нет, очень хорошо».

У гримерши расческа замерла в руке. Вот оно что... Какая жизнь пошла в группе! Как интересно... Это же только начало картины... Что будет, что будет... О-о-о!!!

— Он вынул все внутренности — и в таз!

Боже мой, как она вздрогнула! Металлическая расческа со звоном упала на пол. А Меньшов, чувствуя такую реакцию, продолжил с еще большим подъемом. Этой сцены в сценарии не было. Он ее написал ночью. Потом, как только стало понятно, что это сцена для картины, лицо у женщины сразу стало будничным. Она подняла расческу и продолжила достраивать на моей голове халу. Глаза ее мгновенно потухли. Интерес пропал. Это я бы тоже с удовольствием сыграла.

Я очень люблю финал этой сцены, когда герой, ошарашенный новшествами филиппинской медицины, спрашивает у меня, то есть у Раисы Захаровны: «Ну и как эта баба? Жива?» — «Ого, еще как жива! Правда... не узнает никого».

Цитируют картину повсюду. 8 Марта в «России» я принимала участие в шоу у Валентина Юдашкина. Готовлюсь

к своему номеру и слышу в толпе артистов: «А ты помнишь: «Людк, а Людк! Сучка ты крашенная».

Все дружно засмеялись. Ну, думаю, я не я, если сейчас не доиграю. Не поленилась, спустилась с подиума, который начинался за кулисами, подошла к веселой компании и доиграла: «Почему же крашенная, это мой натуральный цвет!» Ну, какая была бурная реакция! Нас даже к порядку призвали. Это были ребята из «Иксмиссии».

На съемке я тоже не могла удержаться от смеха. Нет, ну правда, — то, что сучка, ей не обидно, а вот что крашенная... Как это чисто по-женски.

Картина закончена. Роли озвучены. Артисты уже не нужны. Идет монтаж. А тут вышел закон о запрете алкоголя. Срочно стали вырубать виноградники от Грузии до Молдавии. Люди по домам взялись гнать самогон. Исчез сахар. Исчез одеколон. Из аптек пропали лекарства, в которых есть хоть капля спирта. Ну а в кино, естественно, пошла «вырубка» сцен, где хоть малейший намек на «вздвогнем». А у нас, в «Голубях», ого сколько таких «вздвогнем»!

Я увидела на студии Меньшова с лицом черного цвета, с затравленными глазами. Он всем доказывал, что это комедия, что это несерьезно, что нет там никакой агитации в пользу алкоголя... «Вырезать! Ну не могу, не могу я вырезать! Режьте меня! Меня режьте!»

Не дай бог быть режиссером! Если только этим заниматься, если только этим жить, надо иметь колоссальное здоровье и металлические нервы. А терпение? Терпение!!! Талант же, вкус, слух, музыкальность — это атрибутика. Это аксиома. Это как само собой.

Меньшов человек сложный. Зажжется и погаснет. И сразу пустой и неинтересный. Вдруг позвонит ночью,

возбужденный, говорит, что только что показывал американцам наши сцены с Михайловым, — а сам хохочет, доволен, говорит мне, что я роль «вышиваю». Это приятно слышать. А через неделю может пройти мимо и не поздороваться. По-человечески он мне не близок.

Съемки «Голубей» были уже в разгаре, а на мою роль еще никого не утвердили. И вдруг (все то же кинематографическое «а вдруг») я получаю телеграмму из Медвежьегорска. Режиссер Меньшов поздравляет меня со званием народной артистки СССР. И такие слова замечательные в мой адрес. Телеграмма большая. Денег не пожалели. Короче, предлагает мне, не читая сценария, приехать в Медвежьегорск. Там он мне все расскажет про роль подробнее и интереснее. Я только что закончила музыкальный фильм «Рецепт ее молодости».

Роль трехсотлетней актрисы в шляпках и перьях. А что? Нырну-ка я в другую атмосферу. Чем черт не шутит? «А вдруг?»

«Давай, дочурка, уперед, дуй свое. Риск — благородное дела».

Собрала манатки и поехала. Снимали сцену героини фильма с ее детьми. Меньшов чем-то был недоволен, хотя актеры играли легко и азартно. Мне понравилось. Может, я, свежий человек, еще не в атмосфере? Режиссеру сказали, что я уже приехала, что я на площадке. И я за спиной слышу голос: «Вы уже так много всего наиграли... Я даже не знаю, что вы еще можете». Та-ак. Приехали. Ни привет, ни здравств. Люся, стоп! Вспомни, у тебя был опыт у Германа в «Двадцати днях без войны». Такое же печальное начало. Потому молчи и жди, что будет. Промолчала. Первый раунд выиграла. Приняла удар.

Что дальше? Значит... Никаких иллюзий. Забыть слова из телеграфного бланка. Знай о себе голую правду. Что у трезвого на уме, то у пьяного... Меньшов был навеселе. Вы удивитесь? Актер, пришедший на пробу и даже на первый съемочный день, — это всегда поединок. Доказывать, доказывать, быть все время под вопросительным знаком. Как бы режиссер ни хотел, ни решил, что будет снимать только тебя, — это всегда бой. Пока не увидит первые сцены на экране.

Досадно. Зачем приехала? Что за дурацкий кинематографический азарт? Это идиотское «а вдруг». Спокойно. А сколько раз влетала в кадр без подготовки, в своем собственном костюме. Да с самой той первой веселой картины так. Это уже потом, у очень тонких и умных, работала на полном доверии, без проб. Черт бы их побрал, эти пробы! Иногда смотрю на себя — ну нет, нигде нет ни одного живого места, чтобы пробу поставить... Вся в пробах. Терпим. В таких случаях важен результат.

А через две недели съемки пошли весело и легко. Меньшов опять был увлечен. Много сочинял, сам смешно показывал, хохотал. И ему почти нравилось то, что я делала в кадре.

Еду в поезде на гастроли. Утром весь вагон выстраивается в туалет. Ну и я тоже. Что я — не человек? Народу много. Подожду. Но уже ясно, что весь вагон в курсе, что я здесь. А мой противный глаз сразу замечает человека, который тут же напрягся, подобрал живот и широко улыбнулся. Он-то уж точно меня не отпустит без... — еще не знаю чего — автографа или, не дай бог, фотографии дуэтом на фоне туалета. Ну, пора вылезать из купе на свет божий. «Мой человек» стоит, ждет. Деваться некуда. Иду.

— Товарищ Гурченко, я вас жду.

— Я вижу.

— Значит, так. Докладываю. Я капитан дальнего плавания. У меня есть один грех. Могу запить. Когда по полгода в море... сами понимаете. Но команда меня уважает. Они ждут сколько надо, а потом ставят мне «Любовь и голуби» — помните, где вы с Васей на юге? — И тихо зашептал: — Каюсь, у меня тоже такое было! Ужас! — И опять громко: — Товарищ Гурченко, Людочка, дорогая! Все, что хотите, — шампанское, коньяк, цветы, шоколад! Умоляю — как вы там говорите? Людк, а Людк... Скажите!

— Так вы наизусть уже все знаете.

— Ну что вы, Людочка, то кино, а тут — вы! Живая! Бог ты мой, вот же удача! Всё! Все, что хотите! Ну что вам стоит? Ну, Людочка! Сделайте моряку-командиру, который годами не видит родных берегов, сделайте ему минуту счастья! Он этой минуты никогда не забудет!

Вот она, моя любимая профессия. Восемь утра. Лицо утреннее, несчастное. И вот сейчас я должна забыть, что я просто слабый человек, что я тоже хочу в туалет. Будь любезна в одночасье, в одноминутье сумей себя встряхнуть, «перевоплотиться» и сыграть ярко и весело, громко и артистично. Та-ак... копяся слезы обиды на судьбу, на серость за окном. А желтый шарик желчи подпрыгнет к горлу и откатится, подпрыгнет и откатится. Слава богу, не взорвался. Не надо. Уйдут силы, энергия. Они нужны для вечернего концерта. Краем глаза замечаю, как из всех купе за нами следят пассажиры. И в восемь утра, около туалета, я в полный голос и в удовольствии кричу: «Девочки! Уберите свою мать! Ах ты, зараза... Людк! А Людк! Де-ре-вня!!!» Аплодисменты. Повлажневшие и удовлетворенные глаза капитана.

Молодец, Людмила. Победила себя. Всегда бы так. А то приходят за кулисы мои давние поклонники со взрослыми детьми и внуками. И, прикрывая ротики с зубками через один: «Ой, мы вас так любим, мы были еще подростками, когда вышла ваша картина про пять минут. Помните, вы там с белой муфточкой?»

Мне ли забыть ту белую муфточку? Как же врезался всем в память тот мой жизнерадостный облик. А рядом со мной стоит молодой муж. И я — хоть умри, но должна быть веселой, молодой и с тонкой талией.

Когда-то одна пятидесятилетняя актриса говорила нам, молодым, только начинающим (мы жили с ней в одном гостиничном номере): «Ох, девочки, я с вами целый день хохочу, бегаю на каблуках, а ночью, вы уж извините меня, ночью я храплю, пукаю...» Ночью я, говорят, не храплю, но, наверное...

Почему я не увильнула в то утро, не придумала причину, бросив пару резких слов тому капитану с его предложением в восемь утра? Я об этом думала. Видимо, он на меня смотрел, не замечая, что я «утренняя», в халатике, с полотенцем и зубной щеткой в руках. С виду я была как все пассажиры. А он смотрел на меня как на царицу. Он чувствовал, был уверен, что сию минуту он увидит именно то, что хотел, о чем очень-очень искренне просил. Он желал этой минуты счастья. И он ее получил.

Это самые интересные зрители. Они видят во мне не платье, грим, прическу, шляпку. Они не оценивают меня — сколько я «стою». Интересно, впервые я о такой «стоимости» услышала в Нью-Йорке. Мои московские знакомые говорили между собой, глядя на свою знакомую из Одессы: «Она тянет на семьсот». — «Ошибаешься, здесь все

девятьсот». — «Подумаешь, на двести ошиблась». Мне не хотелось бы, чтобы я «тянула» внешними атрибутами. Пусть «тянет» то, что я умею делать.

А про капитана это еще не конец. Вечером в концерте чувствую какую-то особую, небудничную атмосферу в зале. Ну, это как в советские времена, когда идет заседание, но все знают, что скоро вынесут знамена, заиграет горн, потом марш... И что? В первом ряду я вижу капитана в парадном, со множеством медалей и значков. Рядом с ним очень хорошенькая пухленькая женщина, видно, жена. И сразу вспоминаю его шепот насчет греха на юге. Вот интересно, на кого же он ее тогда променял? Такая прелестная молодая женщина... Ах вы, мужчины-чертяки! Кто вас поймет? И что вам надо?

Рассказываю в концерте об утреннем эпизоде в поезде. Играю все в лицах. Зал очень хорошо реагирует. Представляю залу капитана. И началось! Капитан торжественно встал, поклонился залу, хлопнул в ладоши, и из двух противоположных выходов стройным шагом пошли матросы с ящиками коньяка, шампанского, цветами и коробками конфет.

Зал ахнул. Стою среди этого добра, кланяюсь, благодарю. А еще только треть концерта... А как перевести на серьез? А как двигаться среди ящиков? Нет, никаких пауз. Пусть все будет так. Перепрыгивала через ящики под аплодисменты веселых зрителей. Успех был, чего уж... Но героем вечера стал капитан. У него тоже брали автографы. Вот тебе и «Людк!».